

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н. Э. БАУМАНА

Н. Г. Багдасарьян

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

3–е издание, переработанное и дополненное

Рекомендуется

*в качестве учебника Научно–методическим Советом
по культурологии Министерства науки и образования РФ*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2016

УДК 008
ББК 71я73
Б14

Автор:

Багдасарьян Надежда Гегамовна — доктор философских наук, академик РАЕН, почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры социологии и культурологии факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук Международного университета природы, общества и человека (г. Дубна).

Рецензенты:

Флиер А. Я. — доктор философских наук, профессор Московского гуманитарного университета;

Кузнецова Т. Ф. — доктор философских наук, профессор Московского педагогического государственного университета;

Ефремов О. А. — кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Багдасарьян, Н. Г.

Б14 Культурология : учебник и практикум для бакалавров / Н. Г. Багдасарьян. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 556 с. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.

ISBN 978-5-9916-3509-7

Настоящее издание содержит тексты лекций по культурологии, а также литературу, проблемные вопросы, кейсы, темы заданий и самостоятельных работ. Учитывая, что работа студентов с хрестоматийными текстами вызывает определенные трудности, наиболее яркие образцы культурологической классики включены в качестве вставок в структуру лекционного изложения.

Учебник отличается внутренним единством, обусловленным не только естественным фактором концептуальной авторской логики, но и конструктивной организацией текста. Особенностью книги является ориентация каждой темы на формирование определенных общенаучных, социально-личностных и общекультурных компетенций.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов негуманитарных вузов, аспирантов, преподавателей, а также для широкой публики, интересующейся проблемами культуры.

УДК 008
ББК 71я73

© Багдасарьян Н. Г., 2007

© Багдасарьян Н. Г., 2013,
с изменениями

© ООО «Издательство Юрайт», 2016

ISBN 978-5-9916-3509-7

Оглавление

Введение. Место культурологии в образовательном процессе	7
Глава 1. Культурология в системе современного знания	23
1.1. История и логика становления знания о культуре	24
Сравнительный анализ разных типов знания	27
Особенности становления культурологии как научной дисциплины	33
Интегративный характер культурологического знания.....	38
1.2. Культурология как наука: проблема определения объекта, предмета и метода.....	41
Понятие культуры	42
Сущностные характеристики культуры	47
Методы культурологии.....	50
Структура культурологического знания	57
<i>Практикум</i>	59
Глава 2. Происхождение и динамика культуры	61
2.1. Происхождение, или генезис, культуры	62
Природа и культура: единство — конфликт — коэволюция	63
«Символическая Вселенная» Э. Кассирера.....	76
Игровая концепция происхождения культуры.....	77
Место мифа в генезисе культуры	82
2.2. Социокультурная динамика.....	86
Актуальность проблемы культурных изменений и типы социокультурной динамики	86
Идеи цикличности и волновых колебаний.....	90
Предпосылки синергетического подхода	101
<i>Практикум</i>	108
Глава 3. Типология культуры	111
3.1. Повседневная типизация как основа конструирования теоретических моделей	112
3.2. Понятие типологии и концепция «идеального типа» М. Вебера.....	116

3.3. Критерии, или основания, типологии культуры.....	120
3.4. Разнообразие оснований классификации культур ...	122
3.5. Классические модели типологии культуры.....	143
<i>Практикум</i>	150
Глава 4. Структура, функции и смыслы культуры.....	154
4.1. Структура культуры.....	155
Пять моделей структуризации культуры.....	158
Политическая культура в общей структуре	180
4.2. Функции культуры.....	187
4.3. Смыслы культуры.....	190
<i>Практикум</i>	194
Глава 5. Индивидуальное измерение культуры.....	198
5.1. Индивидуальный уровень культуры.....	199
Антропологические основания культуры	201
Взгляд на духовность.....	203
Мотив судьбы и смерти	204
Сублимация по Фрейд и десублимация по Маркузе.....	206
Физический компонент культуры	208
5.2. Интеллектуальный пласт культуры.....	211
Личность и индивидуальность.....	212
Соотношение личности и творчества	214
5.3. Значения, ценности и нормы	217
Роль ценностного компонента в жизни людей.....	219
Соотношение культурных ценностей и мотиваций личности.....	224
Отражение ценностей в особенностях культур.....	226
<i>Практикум</i>	229
Глава 6. Символическое пространство и язык культуры... 235	
6.1. Понятие языка культуры.....	236
Широкий и узкий смыслы понятий «символ» и «символическое»	236
Проблема языка культуры в жизни и в социально- гуманитарной мысли.....	237
Фундаментальный характер и функции языка культуры.....	239
6.2. Классификация языков культуры.....	240
Естественные языки.....	241
Искусственные языки	244
Вторичные моделирующие системы	245
6.3. История и логика становления современного знания о знаково-символических системах.....	248

6.4. Семиотика и герменевтика	255
Текстологические ландшафты культуры	259
Знак и символ как основные понятия семиотики	265
Процесс формирования символических структур.....	269
Сенсительный и интеллигентный планы бытия в проблеме понимания	271
6.5. Прикладной аспект теоретического осмысления языка.....	274
<i>Практикум</i>	278
Глава 7. Социокультурные смыслы искусства	281
7.1. Особенность культурологического подхода к анализу искусства. Понятие художественной компетентности	282
7.2. Предмет и функции искусства	287
7.3. Типология искусства. Синтез искусств.....	303
7.4. Языки искусства. Искусство и наука	305
<i>Практикум</i>	320
Глава 8. Массовая культура в современном обществе: понятие и сущность	323
<i>Практикум</i>	323
Теоретические итоги практикума	335
8.1. Подходы к определению массы и массовой культуры. Обзор концепций.....	336
8.2. Основные черты и характеристики массовой культуры	343
8.3. Сферы проявления массовой культуры.....	351
Глава 9. Религия и наука в контексте культуры	355
9.1. Религия как феномен культуры.....	356
Классификация религий	362
Функции религии	369
Религия и магия.....	370
9.2. Наука как феномен культуры	373
Соотношение обыденного и научного познания	373
Подходы к определению науки	376
Логика становления научного знания	377
Функции науки.....	381
Наука в современной жизни	383
Проблема понимания в современном научном дискурсе.....	387
9.3. Религия и наука: соотношение и границы.....	395
Динамика соотношения религии и науки	396
Вера и разум.....	399

Соотношение веры с формами познающего разума: истина науки и истина веры	400
Любое познание есть вера	404
О принципиальной дополнителности знания и веры	405
<i>Практикум</i>	407
Глава 10. Экономическая и организационная культура	413
10.1. Экономическая культура как модель социального взаимодействия.....	413
Механизмы возникновения хозяйственно- культурных типов	419
Характеристики экономической культуры личности и критерии ее определения	427
10.2. Организационная, или корпоративная, культура ...	430
Лидерство в организационной культуре	434
<i>Практикум</i>	438
Глава 11. Мораль и право как феномены культуры	454
11.1. Культурная значимость морали	455
Актуальность проблемы морали.....	455
Формирование представлений о морали.....	456
Сферы проявления регулятивной функции морали	460
Связь морали и права с обычаями, нравами и традициями.....	463
Понятие и типы социокультурной нормы	467
Динамика моральных ценностей.....	472
11.2. Социокультурная характеристика права.....	479
Основные функции права	481
Структура правовой культуры	482
Особенность профессиональной правовой этики	483
Понятие правовой культуры личности.....	485
Связь стереотипов правового поведения людей с особенностями культур.....	488
<i>Практикум</i>	489
Глава 12. Культура будущего и будущее культуры	492
Персоналии.....	514
Словарь терминов.....	538
Литература	548

*Посвящаю Алине,
моей дочери и другу*

Введение

МЕСТО КУЛЬТУРОЛОГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Один из самых интересных и в то же время не до конца понятных вопросов, над которыми уже давно ломают головы ученые, — это вопрос о том, каковы механизмы биологической наследственности. Какие из свойств, проявленных человеком, он унаследовал генетически, а какие обретает лишь в ходе обучения как результат активной, осознанной, упорной деятельности? Ясно лишь одно: если ребенок в силу особых обстоятельств, чаще всего трагических, оказывается за пределами общества (эффект Маугли), он не способен усвоить даже самых простых навыков: правила приема пищи, элементарные гигиенические процедуры, речь и способы коммуникации, принятые в том или ином обществе, ему становятся недоступны. Не говоря уже об идеалах, идеях, верованиях, ценностях. Все это — опыт, накопленный многими поколениями людей, который генетически не наследуется. Разумеется, каждый из нас получает по праву рождения определенные предпосылки, способности. Мы можем их развить, достигая совершенства в профессиональной активности (а можем, кстати, и не развить, утратить), мы можем даже использовать эти способности не во благо общества, а во зло. Но нет другого способа личностной самореализации, как через этапы надбиологического наследования, включения человека в безграничное пространство культуры, постижения культурного кода, что требует специального обучения, специальных программ освоения «второй природы», как принято называть культуру.

Культурология изучается сегодня практически во всех вузах России, вне зависимости от того, позиционируют они себя как классические или технические университеты либо подчеркивают профессиональную направленность в рам-

ках академий и школ. Это обусловлено не только тем, что культурология формально присутствует в перечне учебных дисциплин государственного образовательного стандарта; изменения, происходящие в современном обществе, так сложны и многослойны, так динамичны и разноплановы, что их понимание требует выхода за пределы ситуативного анализа, поиска глубинных, универсальных оснований культурного бытия. Особенно это касается периодов осознания обществом кризисности того или иного рода. Если обратиться к отечественной традиции, то достаточно вспомнить в связи с этим работы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Андрея Белого, Г. Г. Шпета, П. А. Сорокина, П. А. Флоренского, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева.

Современный всплеск интереса к культуре имеет ту же природу: человечество вступило в эпоху перманентных социально-экономических и политических кризисов, что обусловлено глобализационной связанностью, достигнутой к началу третьего тысячелетия.

Вряд ли получится «отсидеться в углу», когда:

- стремительно меняется климат, что приводит к перманентному экологическому кризису и следующим друг за другом природным катаклизмам, следствием которых становится дефицит пищи, воды и энергии, сокращение биологического разнообразия;
- возрастает число организованных войн и стихийных волнений, террористических актов, экстремистских политических и религиозных движений;
- растут техногенные факторы в жизни человечества, ведущие к риску мегакатастроф, провоцируемых авариями на АЭС и утечкой ядерных отходов;
- совершенствуются информационные технологии, влияющие на основы самоорганизации психических и когнитивных процессов, которые отвечают за способность поддерживать личностную целостность и идентичность;
- слабо контролируются следствия внедрения достижений генной инженерии, изменяющей жизненные балансы природной среды обитания человека и природы самого человека;
- увеличивается демографическое давление, неравномерность распределения антропологических ресурсов, растут миграционные потоки, из-за чего богатство и власть становятся все более сконцентрированными, ширится пропасть между богатыми и бедными, усиливается маргина-

лизация общества, растет уровень незащищенности людей из-за неконтролируемости природных, техногенных и социальных процессов¹.

Все эти вызовы требуют ответа. Ответа на вопросы: «Каковы новые смыслы и значения происходящего?», «Кто несет ответственность за негативные процессы?», «Какие механизмы должны быть выработаны в культуре, чтобы противостоять разрушительным тенденциям?» И, может быть, самый главный из них: «Каковы те глубинные духовные образования, которые, будучи пережиты и осмыслены людьми, дадут новый импульс для человеческого развития?»

Все эти и многие другие вопросы находят свое отражение в комплексе дисциплин, объединенных на Западе в рамках Cultural Studies (науки о культуре). Выделяют два наиболее значимых момента в истории развития культурных исследований на Западе. Первый — конец 1950-х — 1960-е гг., когда в противовес идее представителей франкфуртской школы об умирании культуры и в оппозиции к отождествлению М. Арнольдом культуры с высокой культурой, возникают представления о том, что культура — это весь уклад жизни². Второй момент — 1990 г., когда вышло в свет несколько книг, свидетельствующих о превращении культурных исследований в профессиональную дисциплину³.

В России практически то же предметное поле получило название «Культурология». С начала 1990-х гг. идет интенсивное развитие целого цикла культурологических дисциплин. Особенностью этого этапа научного осмысления культуры является то, что он инициирован из сферы образования. Введение в вузах разного направления сначала курсов истории и теории культуры, а затем и культурологии, необходимость разработки образовательного стандарта и учебных программ обнаружили непроработанные лакуны и «белые пятна» в самом научном знании о культуре. Введение научных степеней кандидата и доктора

¹ См.: *Баддасарьян Н. Г.* Глобальное пространство культуры: разрывы современности в тенденциях и парадоксах // Культурологический журнал. 2011. № 3 (5).

² См.: *Ридингс Б.* Университет в руинах. М.: ГУ ВШЭ, 2010. С. 148–155; *Relocating Cultural Studies: Developments in Theory and Research* / ed. V. Blundell, J. Shepherd, I. Taylor. L. N.Y.: Routledge, 1993.

³ См.: *Cultural Studies* / ed. L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler. N.Y.: Routledge, 1992; *Brantlinger P.* Crusoe's Footprints: Cultural Studies in Britain and America. N.Y.: Routledge, 1990; *Terner G.* British Cultural Studies: An Introduction. L.: Unwin and Allen, 1990.

культурологии при всех недостатках и слабостях первых диссертационных работ внесло свою лепту: существенными обретениями этого процесса можно считать оформление предметного поля культурологического знания, его категориально-понятийного аппарата, а также появление профессиональной молодежи, не отягощенной идеологическим догматизмом и способной ввести в учебный процесс актуальное знание.

Не менее важен с точки зрения перспектив обсуждаемой дисциплины и другой аспект значимости культурологии. Речь идет о методологии культурологического подхода к анализу любых формирующихся в современном знании проблем. Впрочем, данная методология вполне эффективна и в применении к уже «ставшему» знанию: введение любой проблемы в социокультурный контекст, использование инструментария, позволяющего «считывать» коды и «дешифровывать» знаки, в которых выражены результаты человеческой деятельности, расширяет диапазон ее интерпретаций и углубляет понимание. Если же говорить о проблемах актуальных, появление которых прямо связано с вполне артикулированной антропологической кризисностью современного общества, то возможность исследования этих проблем в рамках культурологической методологии с ее интегративным потенциалом осознана уже не только гуманитарным сообществом. Задаваясь, следуя духу прагматического времени, вопросом, зачем обществу знание о культуре, можно сказать, что *культура* как накопленная, так и становящаяся, помогает обществу *выжить*.

Культурология как инструмент познания дает понимание не только актуальных, но и глубинных, объективных причин социокультурных тенденций. Культура как практика жизни всегда опережает свой культурный смысл, который обретается человеком в ходе своего становления в определенной культурной ситуации. Сознание, осознание — всегда феномен догоняющий, опаздывающий. Именно потому культура, главная задача которой лежит в плоскости выживания общества, — это не только результат потребности человечества в самореализации, но и следствие ошибок, промахов; это обретение не преследуемой, но достигнутой цели. Смысл результата постигается лишь тогда, когда обретенная цель проявляет прямой или побочный негативный результат. При этом смысл формируется на пересечении *трех пластов культуры — знаний, ценностей, регулятивов*,

которые могут вступать в конфликтные отношения между собой (и, как правило, вступают). Эта конфликтность ограничивается и регулируется принципом *гомеостаза* — стремлением к равновесию в ситуации разнонаправленных изменений.

В качестве примера можно обратиться хотя бы к технико-технологическому феномену. Так, по мере наращивания технических средств ведения войны формируются и средства ограничения агрессии, задача которых — компенсировать инструментальный потенциал, накопленный человечеством. Средства ограничения агрессии генерируются в трех срезах культуры: духовном (религия, искусство, философия, наука), социальном (право, политика, институциональная сфера) и технологическом. Последний, в свою очередь, имеет два аспекта: специальный, который проявлен в технике, науке, инженерии, и универсальный — как способ деятельности в любой сфере. В духовной сфере эти средства приобретают когнитивно-ценностный характер, в социальной — ценностно-регулятивный, в технологической — регулятивно-когнитивный. Таким образом, их целостность и эффективность достигаются лишь в единстве трех составляющих культуры. Иными словами, религиозный принцип «не убий!», Всеобщая декларация прав человека и концепция ноосферы Вернадского — это не разрозненные культурные артефакты, а звенья одной цепи, скрепляющей идею устойчивого существования человечества.

Социальная история знает, однако, примеры рассогласования технико-технологического потенциала и культурных регуляторов. Результатом таких рассогласований выступает антропогенный кризис: человечество становится жертвой собственного могущества. Так, причиной кризиса периода верхнего палеолита явилось чрезвычайное развитие охотничьих средств, которое повлекло за собой разрушение природной среды и сокращение на порядок населения Евразии. И не случайно «осевое время» — с характерным для него становлением мировых религиозных и этических систем — последовало за распространением дешевого и высокоэффективного железного оружия.

Последний пример показывает также, что каждая культурная форма обладает семантическим и социальным потенциалом, который подобно электрическому заряду распространяет вокруг себя «силовое поле» смыслов. Многообразие этих полей, их взаимодействие образует общее ментальное поле

культуры, которое порождает кооперативное поведение, выраженное в комплексе традиций, установок, представлений, поведенческих норм.

Таким образом, культура программирует деятельность, как на социальном, так и на индивидуальном уровне, задавая сюжеты по определенным культурным сценариям. Отсюда следует тезис о допустимых и недопустимых, ошибочных траекториях социального поведения. Если прежде равновесие в ситуации ошибочной траектории достигалось стихийно, по принципу гомеостаза, хотя и дорогой ценой, то теперь, когда возможно применение современных способов моделирования социокультурной динамики на основе использования накопленного в социально-гуманитарном знании научного потенциала, цена рисков может быть минимизирована. (Хотя, правильной, пожалуй, сказать не «может быть», а «должна быть», так как инструментальная сторона рисков возросла многократно.) Проблема заключается лишь в том, чтобы этот потенциал был актуализирован: на уровне социальном — в оформлении установок терпимости, готовности к компромиссам; на уровне профессиональной деятельности любого характера — в понимании ее социокультурного контекста, в понимании того, что во всех явлениях культуры всегда воплощена какая-либо ценность, ради которой эти явления созданы (т.е. смысл деятельности понимается лишь через отнесение к ценности).

Признаемся вместе: эти установки и это понимание в концентрированном виде содержатся именно в культурологическом знании. Следовательно, присутствие этого знания (как в прямой, текстовой форме, так и в «снятом» виде, в качестве методологии) — не благое пожелание, а императив самосохранения человечества в современном мире.

Между тем российская система образования традиционно ориентирована на подготовку к профессиональной деятельности, даже на первой (бакалаврской) ступени. Как известно, профессиональный комплекс уходит корнями в античную древность и Средние века, он формировался в первую очередь в деятельности священнослужителей, юристов и медиков. Однако с тех пор, как во главу угла в конце XIX в. была поставлена научная компетентность — сначала в юриспруденции и медицине, затем в инженерном деле, — требуемой для профессиональной деятельности компетентности достигают только с помощью продвинутого образования, которое можно получить лишь в современном уни-

верситете. Речь идет о том, что это образование включает в себя фундаментальное знание не только в сфере естественных наук и специализированной деятельности, но и в областях социально-поведенческого цикла.

Итак, в чем же ценность культурологического знания для современного профессионала? Сформулируем *два универсальных фактора значимости культурологии* для университетского образования вне зависимости от выбранной специальности.

Первый фактор связан с общими процессами *инкультурации личности* (т.е. степени включенности человека в культуру), которая протекает на протяжении всей жизни человека, но все же особенно интенсивно в университетские годы, когда высока концентрация интеллектуальной информации, нуждающейся в отборе, рефлексии, усвоении. Принято говорить и о необходимости *социализации*, т.е. включения человека в систему норм и ценностей своего общества; эту функцию также выполняет университетское образование, давая молодым людям такой важный инструмент, как профессиональные знания. Однако содержание личности не ограничивается ее социальным срезом, за пределами остается эмоциональная сфера жизни, потребности в дружбе, любви, взаимопонимании, эстетические предпочтения и многое другое, что не поддается рациональному анализу, но является неотъемлемым свойством ментальности личности, индивидуальной картины мира. Социально-гуманитарное знание способствует установлению своей социальной (в том числе профессиональной), этнической, политической, конфессиональной идентичности. Эти процессы, безусловно, не ограничены рамками университетских аудиторий, но базовые знания об окружающем человека социальном мире, механизмах культуры, системе норм и ценностей, которые регулируют жизнь общества, иерархии этих ценностей и т.п., составляют предмет дисциплин социогуманитарного блока. Культурология, которая имеет не только социальную, но и гуманитарную составляющую в своем предметном поле, способствует осмыслению человеком своего места в культуре, что придает личности внутреннюю устойчивость, помогает в выборе ценностных ориентиров, облегчает процессы межличностного взаимодействия.

Второй фактор значимости культурологии связан с широким смыслом понятия культуры — не только как *спе-*

циальной сферы жизни общества, когда имеются в виду культурные ценности, но и как *ценностной, нормативной и символической* составляющей содержания любой другой сферы деятельности людей. Именно это имеется в виду, когда говорят о корпоративной культуре, правовой культуре, политической культуре, информационной культуре и др., т.е. речь в данном случае идет о владении специалистом *культурологическим методом*. Социально-научное и гуманитарное знание, безусловно, влияет на уровень профессиональной культуры, оно выступает важной структурной составляющей общей компетентности специалиста. Владение его методологией позволяет еще на этапе профессиональной идеи, проекта минимизировать негативные социальные и нравственные последствия дальнейшей деятельности, формирует способность к адекватной оценке и принятию правильного решения в критической ситуации, актуализирует человеческий, а не только узкопрофессиональный смысл деятельности.

Получается, что социально-гуманитарная компонента в профессиональном мышлении и деятельности играет своего рода охранительную роль. С одной стороны, физическая безопасность для общества гарантируется социальной, нравственной, профессиональной компетентностью специалистов. С другой стороны, знание механизмов функционирования общества, человеческой психологии, умение общаться, интеллектуальная гибкость — все то, что дает личности социально-научное и гуманитарное знание — облегчает вхождение человека в социум, поиск оптимальных решений в трудных профессиональных и житейских обстоятельствах. Таким образом, культурология «не для культурологов» помимо расширения общекультурного диапазона личности ставит задачу определения основных критериев профессиональной культуры, выделения социокультурных и этических норм деятельности, а овладение культурологическим методом способствует освоению технологий служебного взаимодействия, создает базу для профессиональной коммуникации, составляющей необходимую компоненту делового успеха.

Но, быть может, самое существенное в изучении культурологии — это постижение культурного смысла того вида профессиональной деятельности, к которой готовит студента вуз. Так, например, чем отличается понятие экономической, или хозяйственной, культуры от понятия экономиче-

ской деятельности? В первом случае общество может быть гарантировано от принятия не просто некомпетентных решений, но решений, цена которых неприемлема для общества, недопустима с точки зрения не только сиюминутной эффективности. Эта цена рассчитана по критерию минимизации негативных последствий (как ближайших, так и долгосрочных) для объектов принимаемой экономической программы: следует уметь прогнозировать, какая именно часть населения больше всех пострадает, какие пути для разрешения критических ситуаций у нее имеются, какова программа поддержки для тех, кто не справится с «экономическим шоком», как это отразится на генерации, вступающей в профессиональную деятельность, как изменится структура профессиональной занятости и т.д. И если проекты создаются людьми экономической культуры, а не просто «профессионалами-деятелями», то они обязаны ответить на эти вопросы. Формированию социокультурной компетентности и способствует культурология.

Таким образом, решение, принятое в ситуации профессиональной экономической культуры, когда осознаны не только утилитарные мотивы и цели деятельности, но и *смыслы* ее в историко-культурном контексте, создает в обществе *гарантии социальной безопасности*. Именно культурология обучает видению этого социокультурного, историко-культурного контекста, задающего «горизонтальные» и «вертикальные» параметры деятельности, что придает знанию чрезвычайную емкость.

Отметим также *значимость культурологического знания для современного российского общества* в целом. Потребность в знании о культуре, как мы уже отмечали, возрастает в периоды усложнения, дестабилизации ситуации, усиления тревожности в обществе. Как правило, следствием такого состояния общества становится маргинализация не только отдельных людей, но и целых социальных групп, утрачивающих свою социальную идентичность вследствие резких изменений социально-экономической структуры общества. Культурология способствует осмыслению и переосмыслению соотношения культурных традиций и инноваций, роли норм и ценностей, образцов и способов поведения, позволяет посредством инкультурации удерживать общество в рамках позитивного социального бытия. Это свойство культурологических знаний, переведенное как на уровне общества, так и на уровне личности в пласт технологий,

т.е. прикладного знания, приобретает особую актуальность в ситуации современного *антропогенного кризиса*: человечество, не способное предвидеть отдаленных последствий своей деятельности, становится их жертвой. Знаки этого легко обнаружить в природных и социальных срезах бытия. Однако существует антропогенная традиция: в кризисе мир всегда обращается к культуре.

Но не только в росте техногенности заключена проблема современного мира. Ведущей тенденцией становится интенсивный рост разнообразия культур, выходящих на историческую арену в качестве самостоятельных субъектов после нескольких веков доминирования Запада. Как будто сбываются опасения С.П. Хантингтона о том, что с разрушением двухполюсного мира человечество ожидает нарастание фундаменталистских настроений, консолидирующихся вокруг традиционных религий¹. Заметим: религий, а не стран или регионов. А ведь когда-то именно в религиозной сфере культуры появились нормативные механизмы, упорядочивающие жизнь человеческого сообщества, предотвращающие войну «всех против всех». Сегодня религиозный ренессанс и провоцируемая им религиозная нетерпимость, манипулируемая в политических целях, может обернуться разрушительным эффектом, блокируя противодействие всем иным глобальным опасностям.

Позволителен вывод: чтобы выжить, человечество должно выработать такую систему взаимодействия, которая обеспечивала бы высокую степень терпимости, готовности к компромиссам. Культура, выступая в качестве регулятора и обладая мощными антиэнтропийными, созидательными механизмами, способна вырабатывать средства ограничения агрессии, деструктивных, разрушительных тенденций. Но эти механизмы надо уметь обнаруживать, ими надо научиться овладевать: именно это и составляет основную задачу культурологии, которая, продолжая философско-антропологическую традицию, подводит человека к основной ценности — *пониманию* как своей, так и иных культур. Для человека, культурологически образованного, нет культуры своей и чужой, культуры более ценной и менее ценной, людей культурных и некультурных, к которым относят всех, кто отличается от принятого и привычного образца, а есть культура своя и иная, в той же степени уникальная, и

¹ См.: Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1.

есть понимание того, что чем культурная система многообразнее, тем она устойчивее.

Таким образом, культурология, имеющая как социальную, так и гуманитарную составляющую в своем предметном поле, способствует осмыслению человеком своего места в мире, что придает личности внутреннюю устойчивость, помогает в выборе ценностных ориентиров, облегчает процессы межличностного взаимодействия. В этом плане культурология бесценна для студенческой молодежи, какой бы профессии она ни обучалась. И еще раз подчеркнем особую важность знания о культуре для современного российского общества, которое решает беспрецедентную задачу поиска эффективной модели своего развития.

Можно выделить несколько этапов в институциональном становлении культурологии. Первый этап — конец 1980-х — начало 1990-х гг. — это период формирования новой дисциплины. Он отличался, во-первых, неясностью целей (чаще всего цель формулировалась как общекультурная), во-вторых, размытостью и большим разбросом учебных форм (в одних случаях это были только лекции, в других только практические занятия, посещение музеев и концертов, чтение авторских спецкурсов), в-третьих, отсутствием единой организационной структуры. Так, за первой в стране специальной кафедрой, образованной в 1987 г. в МГУ им. Н. Э. Баумана, последовали другие, имевшие разное название, но ориентированные на работу со студентами по культурологической проблематике. Более осторожные руководители предпочли выделить секции на кафедрах истории или философии. В каждом отдельном вузе вопрос решался по-своему и зависел в этот период чаще всего от наличия энтузиастов. Новые курсы рассматривались тогда в качестве противовеса идеологизированным общественным наукам (что, впрочем, таковым и было), и потому не придавалось существенного значения структуре и специфике предметного поля культурологии. Как правило, это были курсы по истории и теории мировой культуры, ограниченные в основном культурой художественной. Да и сам термин «культурология» появился не сразу. Для преподавания новой дисциплины были характерны эклектизм, непрофессионализм и текучесть педагогического состава: привлечение специалистов, ранее в вузах не работавших, в частности академических ученых, искусствоведов, му-

зейных работников и т.п., не всегда имело положительный результат¹.

К началу 1990-х гг. в преподавании культурологии был накоплен значительный опыт, предмет занял свое место в учебном процессе. На новом этапе возникла проблема структуры, содержания и форм учебного курса, что, в свою очередь, активизировало научные дискуссии по ключевым вопросам дисциплины. Возникла проблема органичности культурологии в системе высшего профессионального образования. В частности, наряду с фундаментальными проблемами культурологии, составляющими основу ее как научной и учебной дисциплины, акцентировались такие аспекты, которые могли бы формировать у студентов представления о профессиональной (а не только об общей) культуре. Иными словами, курс не может носить исключительно теоретического характера, в его структуру должны быть включены прикладные сюжеты.

Особенности становления нового знания обуславливают и ряд негативных моментов, один из которых заключается в том, что зачастую предмет культурологии подменяется историей или философией культуры (в чем легко убедиться, заглянув под обложку некоторых учебников с названием «Культурология»). В какой-то мере это следствие того, что в оформлении предметной области культурологии «участвовали» такие дисциплины, как история, философия, социология, искусствоведение, семиотика, лингвистика, филология, этнография, антропология (социальная и культурная) и др., соответственно, и в преподавание включились носители этих знаний. Однако это не отменяет задачи определения границ предмета и его «демаркации» от других, «соседних» дисциплин, на чем мы и остановимся в первой теме.

В последнее время значительно актуализировался *прикладной* пласт культурологического знания. Действительно, вряд ли можно успешно вести туристический бизнес, не ориентируясь в особенностях культур стран взаимодействия. Политики, принимающие судьбоносные для на-

¹ Таким образом, процесс становления культурологии как учебной дисциплины имел более сложную и разнообразную конфигурацию, чем это описано в фундаментальном труде «Теоретическая культурология» (М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 3), где говорится о том, что в кафедры культурологии преобразовали «кафедры, связанные с историческим материализмом и научным коммунизмом».

родов решения, вторгаясь с позиции силы во внутренние дела других государств, зачастую вязнут в этих процессах и, выбираясь из них, теряют авторитет на международной арене. Причина в том, что они плохо представляют себе культурные особенности, религиозные традиции этих народов либо игнорируют их. И в сфере корпоративной или организационной культуры, ядром которой выступают ценности и нормы, без теории и истории культуры в ее аксиологическом срезе не обойтись. Кроме того, возрастает потребность в социокультурной экспертизе разного рода проектов, реализующихся в обществе, — инженерных, экономических, социальных, политических и т.п., а также законотворческой деятельности на предмет выявления гуманитарных рисков. В целом, по прогнозам экспертов, на российском рынке труда в будущем вероятен рост популярности специальностей прикладного характера: ожидается настоящий бум спроса не только на инженеров-строителей, технологов-пищевиков, программистов и специалистов по компьютерной безопасности, но на специалистов-гуманитариев — потребуются психологи на производстве, редакторы издательств и интернет-ресурсов, тренеры-преподаватели, специалисты по управлению персоналом, в том числе в транснациональных корпорациях, которых становится все больше. В таких профессиях без понимания культурных трендов вряд ли можно добиться успеха. Соответственно, становится востребованным значительный практический пласт культурологического знания.

Культурология играет значимую роль в формировании компетенций современного специалиста. По сути, знание о культуре, будучи «пропущенным» через лекционную тематику, создает основу как универсальных, общенаучных компетенций (в частности, в процессе освоения методов, концепций культуры, подходов к культурологии как интегративной науке), так и общекультурных и социально-личностных компетенций, так как культурологическое знание ценностно и этически нагружено. Кроме того, поскольку любая профессиональная деятельность осуществляется в социокультурной среде, то знание о социокультурных процессах и механизмах, связанных с профессиональной деятельностью, также выступает органичной ее составляющей. Мы сформулировали эти компетенции перед каждой главой.

Итак, обозначим в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом *цели и задачи изучения культурологии*.

Цель состоит в достижении учащимися социокультурной компетентности как способности, необходимой для ответственного решения профессиональных задач, осмысленных в социокультурном контексте. В связи с этим задачи изучения культурологии следующие:

- понимание закономерностей культурных изменений и влияния на социум профессиональной деятельности, ее социокультурный смысл;
- формирование способности к предвидению социально-экономических, экологических и нравственных последствий профессиональной деятельности;
- развитие интереса к творческой деятельности, потребности в непрерывном самообразовании;
- привитие моральных, этических и социальных понятий, необходимых для деятельности в интересах общества, формирования позитивной личной позиции.

Студент должен:

— **знать** основные категории и понятия теории культуры, ее структуру и функции; наиболее значимые концепции культурологического знания; место и роль в культуре будущей профессиональной сферы деятельности;

— **иметь представление** о типологических, трансляционных и семиотических структурах культуры; об особенностях культурных эпох, характере и тенденциях современной культуры; о месте национальной культуры в общемировой; о специфике культурологического анализа процессов и явлений;

— **уметь** выделять теоретические, прикладные, ценностные аспекты культурологического знания, применять их для обоснования практических решений, касающихся как повседневной жизни, так и профессиональной деятельности; работать с гуманитарными текстами; формировать и обосновывать личную позицию.

Работа студента над каждой главой способствует достижению *компетенций*, соответствующих изучаемой теме.

1. Универсальных:

- социально-личностных и общекультурных;
- общенаучных.

2. Инструментальных.

3. Профессионально ориентированных.

Кроме того, преамбула к каждой главе содержит список *ключевых слов*, также соответствующих изучаемой теме.

Формат учебника не позволяет охватить все, даже вполне разработанные, значимые концепции и подходы к изучению культуры. Отбор тем был обусловлен их «культурным значением» для университетского образования и воспитания определенных отношений к миру человека и природы. Заметим также, что, не считая правильным в рамках учебного курса демонстрировать принадлежность к какой-либо одной научной школе (что вовсе не означает отсутствия индивидуального, авторского научного взгляда) и осознавая невозможность «единственно правильного» и «окончательного» определения культуры, мы рассматриваем ее в *самом широком смысле* — как содержание общественной жизни и деятельности людей, создающих разного рода артефакты.

Конечно, процесс становления научного культурологического знания, даже в его основных аспектах, вряд ли можно считать завершенным, однако автор стремился к представлению наиболее устоявшихся его пластов, позволяя себе вместе с тем некоторую свободу в интерпретациях и иллюстрациях теоретических положений. Особенностью книги является вовлечение в учебную ткань материала не только европейской культуры, т.е. Запада, но и культуры Востока, в ряде тем даны примеры компаративного анализа. Представляется, что это в определенной мере удовлетворит интерес молодежи к иным типам культурной практики.

В настоящем издании читатели найдут тексты лекций курса по теме «Культурология», а также литературу, которую можно использовать при подготовке рефератов и самостоятельных работ, кейсы (т.е. актуальные, поучительные случаи), контрольные и проблемные вопросы, темы творческих заданий и самостоятельных работ (последнее, впрочем, скорее, подспорье для преподавателей). Учитывая, что работа студентов с хрестоматийными текстами вызывает определенные трудности, наиболее яркие образцы культурологической классики включены в качестве вставок в структуру лекционного изложения. Особенностью структуры учебника является его внутреннее единство, обусловленное не только естественным фактором концептуальной авторской логики, но и конструктивной организацией текста. Ключевые понятия курса рассматриваются в разных темах, дополняясь, обогащаясь, интерпретируясь.

Курс формировался в процессе работы автора со студентами, обучающимися по разным специальностям в ряде московских вузов, в первую очередь в МГГУ им. Н. Э. Ба-

умана, МГУ им. М. В. Ломоносова, Международном университете природы, общества и человека «Дубна». Был учтен также опыт преподавания в разные годы в ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, Российской академии музыки им. Гнесиных и др. Разнообразие направлений будущей профессиональной деятельности слушателей (а среди них будущие инженеры, менеджеры, юристы, социологи, журналисты, лингвисты, музыканты) всякий раз требовало соответствующей адаптации курса, которая проявлялась как в отборе его тем, так и в акцентировке тех или иных вопросов и, разумеется, в использовании иллюстративного материала.

Кроме того, культурология включена в учебные программы дистанционной формы обучения, когда преподаватель читает лишь обзорные лекции. В этом случае учебник будет играть роль путеводителя-навигатора по курсу, помогая осваивать материал самостоятельно.

Учебник предназначен для студентов разных вузов и направлений обучения, в первую очередь для тех, чья предметная область будущей специальности может быть далека от культурологии — инженерия, экономика, право. Вместе с тем материал, представленный в учебнике, может быть востребован и гуманитариями, которым интересно сопряжение своей области с культурологией. В третью группу входят культурологи: в учебнике представлены концептуальные основания, подходы к культуре, оснащенные методическим сопровождением, и книга может быть полезна при подготовке к семинарским занятиям по культурологии в рамках педагогической практики. Особую категорию читателей представляют преподаватели — не только культурологии, но и других дисциплин социально-гуманитарного блока. В первую очередь к ним обращена как концептуальная, так и методическая составляющая учебника.

Автор выражает признательность издательству, проявившему настойчивость в организации подготовки учебника, благодарность коллегам по кафедре социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана и кафедре Университета «Дубна». Автор отдельно отмечает своих нынешних и бывших студентов и аспирантов, которые дают ему ощущение состоявшегося профессионального предназначения.

Глава 1

КУЛЬТУРОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНИЯ

Наука прежде всего разрабатывает технику обладания жизнью — как внешними вещами, так и поступками людей... наука разрабатывает методы мышления, рабочие инструменты и вырабатывает навыки обращения с ними.

М. Вебер

1. Универсальные компетенции.
 - Социально-личностные и общекультурные:
 - ✓ понимание значимости науки о культуре в самосовершенствовании, в инкультурации и социализации;
 - ✓ умение применять методы и средства познания, обучения и самоконтроля для интеллектуального развития;
 - ✓ видение социальной значимости своей будущей профессии.
 - Общенаучные:
 - ✓ понимание принципов классификации научного знания и специфики методов разных типов знания: естественно-научного, социально-научного и гуманитарного.
2. Инструментальные:
 - ✓ способность использовать методы структурирования знания в решении профессиональных задач.
3. Профессионально ориентированные:
 - ✓ способность определять место знания, связанного с профессиональной деятельностью, в системе наук, выбирать адекватные методы познавательной деятельности.

Ключевые слова: знание о культуре, культурология как научная дисциплина, тип знания, структура знания, научные методы.

1.1. История и логика становления знания о культуре

В 1937 г. на семинаре в Чикагском университете известный британский антрополог А. Р. Рэдклифф-Браун к ужасу и неудовольствию своих американских коллег заявил, что «наука о культуре» невозможна, поскольку «культура» — всего лишь абстракция, что на это понятие надо наложить табу и что если культуру и можно как-то изучать, то только как характеристику социальной структуры¹.

Конечно, можно считать, что причина высказывания ученого в его личных, субъективных пристрастиях, в увлеченности более «формой» человеческого бытия, нежели его содержанием; разработками в сфере социальной структуры, а не содержательного, культурного ее наполнения. Но все же надо признать, что, хотя и прошло почти три четверти века, а сомнения по поводу принципиального существования науки о культуре не исчезли даже в среде профессионалов, связанных с продуцированием знаний. А преподаватели, читающие курс культурологии в негуманитарных вузах, особенно ощущают этот скепсис как со стороны студентов, так и со стороны коллег — преподавателей специальных дисциплин.

Одна из причин этого скепсиса, на наш взгляд, состоит в том, что в массовом сознании понятие культуры укоренено прежде всего в связи с повседневной жизнью, с поведением, эрудированностью, образованием. Это как бы очевидный факт — что же тут изучать? Есть мировая культура — все эти картины, книги, архитектурные памятники... Изучить это «все» за 36 учебных часов по определению невозможно. Научить человека вести себя «культурно» тоже нельзя, если он ко времени поступления в университет не освоил этих правил. К тому же само понятие «культура» до такой степени полисеманлично, что за ним в обыденном сознании не «прочитывается» серьезная наука. Однако между обыденными и научными представлениями огромный водораздел. Разница эта — в уровне знания, т.е. в глубине проникновения в предмет познания, а не в объеме информации. Следовательно, обыденное, пусть даже и правильное, знание и научно-теоретическое знание отличаются *глубиной* понимания. Покажем это в табл. 1.1.

¹ См.: Рэдклифф-Браун А. Р. Метод в социальной антропологии / пер. с англ. В. Николаева. М. : Канон-пресс-Ц, 2001. С. 382–383.

Итак, *обыденное знание* ни по содержанию, ни по языковой форме, ни по способам получения не равно научно-теоретическому знанию; оно предшествует науке как системе знаний, позволяет накапливать информацию, но не превращает ее в систему научных законов теорий и т.д. Между тем *культурология* прошла интенсивный путь становления как вполне развитое, структурированное, концептуально наполненное знание; путь, сопровождавшийся обретениями и потерями, открытиями и разочарованиями. Определились границы, отделяющие ее от других наук, как и взаимосвязи с другими дисциплинами, ее предмет и методы.

Ранее, во введении, мы в общем виде описали культурологию как учебный предмет. Теперь рассмотрим, что она представляет собой как *тип знания*.

Таблица 1.1

Сравнительный анализ обыденного и научного знания¹

Обыденное знание	Научное знание
Различия по содержанию	
Вскрывает внешние, лежащие на поверхности характеристики явления	Проникает во внутреннюю природу объекта, вскрывает его внутренние характеристики
Представляет собой перечисление (указание), т.е. $n + 1$, свойства характеристик как сумму признаков объекта	Дает представление о системном (а не суммарном) характере свойств, признаков, характеристик объекта
Различия по содержанию и глубине	
Вскрывает только координационный, рядоположенный характер элементов, связей, признаков и т.д., а потому не отделяет существенного от несущественного	Выстраивает иерархию признаков, выделяя существенные и несущественные, и выстраивает не только координационные, но и субординационные связи
Как правило, видит частное, не поднимается (или ограниченно гипотетически поднимается) до обобщения, выделения общего	Способно вскрыть общее, понимая общее как существенное
Не поднимается до оформления закономерности, формулировки закона; остается суммативным знанием	Формирует законы, теории, гипотезы, превращает знание в систему научных знаний или собственно в науку

¹ Табл. составлена А. В. Литвинцевой.

Окончание табл. 1.1

Обыденное знание	Научное знание
Вскрывает в лучшем случае функциональную зависимость, но не обнаруживает причинно-следственные связи, что создает основу для объяснения непонятого сверхъестественным происхождением	Доходит до признания всеобщего характера причинно-следственной связи и тем самым подрывает основу сверхъестественного объяснения явлений
Дает представление о явлениях, предметах в их статике, завершённом, оформившемся состоянии, а потому не вскрывает их процессуального состояния, происхождения. Поэтому знание обыденное в лучшем случае остается в границах предсказания, или представления, но не научного прогнозирования	Способно раскрыть явление не только в его ставшем, оформившемся состоянии, в статике, но и в динамике, как процесс его становления, указывая на его происхождение, его тенденции и перспективы, позволяет вскрыть историю и логику явления, что придает научному знанию прогнозирующий характер
Различия по логико-методологическому характеру	
Это знание описательное, констатирующее, но не объясняющее, а потому часто принимаемое без доказательности, аргументированности	Знание объяснительное, не довольствующееся констатацией фактов, доходящее до доказательности, аргументированности, проверяемости практикой
Различия по способу языкового оформления	
Естественный, разговорный, обыденный язык, оставляющий знание в границах семантической многозначности, мешающей его научной «точности», позволяющий одно и то же содержание выражать в разных терминах и применять разную терминологию для обозначения одного и того же содержания, что затрудняет понимание, общение, диалог	Научный понятийно-категориальный язык, где каждый термин имеет строгую однозначную семантику (значение), чем и обеспечивается научный диалог
Различия по способам получения знания	
Формируется в практической жизни, повседневном опыте, обыденной, житейской практике. Для его получения не требуется специализированной системы образования, освоения определенных специфических методов познания и т.д.	Транслируется через систему образовательных специализированных учреждений, социальных институтов. Его освоение требует огромных временных затрат, большого интеллектуального и психологического напряжения, огромной воли и осознанного самообразования

Отметим сразу, аргументируя этот тезис несколько позже, что культурологическое знание носит интегративный характер, не только *опираясь* на достижения дисциплин, сформировавшихся до нее, но и принимая, *включая* те данные, которые эти дисциплины поставляют для специальной науки о культуре по мере развития их самих. Поэтому очевидный социогуманитарный характер культурологии не только не исключает, но и требует в качестве дополнительной компоненты достижений естественных наук. Вследствие этого, прежде чем анализировать собственно культурологическое знание, рассмотрим общую картину современного состояния науки: только тогда мы можем определить место самой культурологии.

Сравнительный анализ разных типов знания

Существуют разные варианты классификации наук. В крупном плане науки делятся на естественные (науки о природе), социальные (науки об обществе), гуманитарные (знание о человеке) и технические (сфера техники и технологии). Классификация эта, как и любая другая, в значительной мере условна, потому что жизнь природы вокруг нас, продукты деятельности человека, т.е. искусственная среда, не поддаются жесткой дифференциации. Так, например, человек является предметом изучения всех категорий научного знания, даже касающегося техники и технологии. В частности, в эргономике изучаются «человеко-машинные системы», не говоря уже о человеке как биологическом, социальном существе и существе духовном. Иными словами, деление это обусловлено не только и не столько предметом, сколько познавательной задачей и процедурами, или методами, ее решения. Проведем сначала сравнение социально-научного и естественно-научного знания.

В рамках социальных наук изучаются человек и социальные системы, культурные объекты и процессы, которые формируются в результате взаимодействия людей между собой и с природой в процессе совместной жизни и деятельности. Разные аспекты этого взаимодействия изучаются социологией, политической экономией, социальной психологией, социальной и культурной антропологией, культурологией. Можно считать, что прародительницей социальных наук, которые начали оформляться как самостоятельные дисциплины в XIX в., явилась философия.

Если сравнивать *предмет* социальных и естественных наук, легко заметить, что социальная жизнь, несмотря на кажущуюся легкость ее познания в силу повседневного в ней участия каждого человека, труднее поддается научному анализу: когда человек находится как бы внутри объекта исследования, он не в состоянии объективироваться от форм социальной жизни, которой живет сам. В силу того, что в социальных науках субъект и объект познания частично совпадают, для выявления и изучения социума человек должен применить специальные, отличающиеся от естественнонаучных, где природные процессы рассматриваются как независимые от познающего субъекта, способы; он должен как бы отстраниться от этой реальности. Но это трудно, и отсюда — идеологическая «нагруженность» социально-научного познания, т.е. явная или неявная представленность в нем различных социальных интересов.

В естественных науках используются преимущественно количественные и экспериментальные методы познания. В социально-научном знании это затруднено, так как в науках о человеке и обществе исследователь никогда не может дистанцироваться в такой мере от изучаемого объекта (который к тому же крайне изменчив), чтобы стало возможным строгое использование экспериментального метода. Исследователь участвует в социальной жизни даже собственным актом познания (и влияет на нее). Отсюда — большой простор для различного толкования одних и тех же событий, возникновения и распространения иллюзий, мифов и заблуждений. Тем не менее абсолютно «надежной» истины естественно-научная теория также не дает.

Специфика методологии социогуманитарного знания заключается в доминировании интегративных, синтезирующих тенденций, позволяющих за отдельными субъективными впечатлениями усмотреть закономерность, избежать шаблонности в объяснении тех или иных переживаний, эмоциональных состояний, чувств. Но главное — эти методы дают возможность воссоздать целостный образ (хотя это и не гарантировано: не случайно мы используем слова «позволяют», «дают возможность» и т.п.). Целостное видение многомерно, схватывает не только линейные, горизонтальные связи, но и точечные, вертикальные. Целостность достигается через способность видеть как бы сверху, с высоты, что позволяет уловить одновременность этих связей, не только их последовательный, но и параллельный характер,

когда в одном присутствует все: в миге — вечность, в точке — полнота бытия.

Зафиксируем оппозицию «синтез — анализ», каждая составляющая которой отражает доминанту метода естественных наук и гуманитарных изысканий. Это не означает, что в рамках обоих типов познания не используются методы «оппозиции» (так, в рамках гуманитарного знания в XX в. все более утверждается рациональная рефлексия, что сближает такое познание отношений человека и мира со сходными процессами познания природы). Они базируются на противопоставлении концепции реальности, вытекавшей из существа аналитического метода (который и принято называть научным), и представления о реальности, которое связывалось с индивидуальным, духовно-синтетическим опытом личности.

В социальных науках ситуация иная. Подчеркивая роль научного метода в социологии, основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм очень определенно говорил о необходимости разведения (даже на уровне понятий) сфер собственно социальной жизни и научного знания о ней: «Нужно... чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств категорически отказался от употребления таких понятий, которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда итог эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим»¹.

Сложность, однако, заключается в том, что в социальных науках — если вновь сравнивать их с естественными — «часто бывает замешано чувство», испытываемое ученым, исследующим те или иные свойства социума, к которому он принадлежит сам. Поэтому Э. Дюркгейм настаивал на применении в социальных науках объективных методов, аналогичных методам естественных наук (оттого в его работах множество биологических и физических аналогий и понятий), выражая основной принцип своей методологии в знаменитой формуле: «Социальные факты нужно рассматривать как вещи».

В современных работах о культуре и обществе бытует понятие социогуманитарного знания. Не раз и мы его исполь-

¹ Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. С. 55.

зовали. Действительно, зачастую бывает трудно «развести» социальный и гуманитарный аспекты при анализе того или иного явления — оно, как правило, связано и с формальными признаками, конституирующими общество, и с содержанием, отражающим культуру. И все же, раз имеются два термина, два понятия, разберемся, что за ними стоит.

Мы предвидим аргументы оппонентов, не склонных разграничивать социальные науки и гуманитарное знание. Самый серьезный из этих аргументов состоит в том, что объект один и тот же: гуманитарное и социально-научное описание лишь дополняют друг друга. Согласившись с этим в целом, признаем все же неслучайность выделения этих двух типов знания в современной эпистемологии и рассмотрим теперь общее и особенное в социальном и гуманитарном познании.

Акцентируем следующее: предметом гуманитарного познания является уникальное, неповторимое, что чаще всего связано с понятием личности, когда она (личность) выделяется из среды, способна совершать выбор. Это проблемы внутреннего мира человека, жизни его духа. Часть этого знания входит в компетенцию науки, отвечая всем критериям предмета научного познания. Есть, однако, и другая часть, которая связана с понятиями чувствования, интуиции, веры (в данном случае мы не имеем в виду веру религиозную), или, например, эзотерическое знание. Поэтому понятие гуманитарного знания — более широкое, чем гуманитарной науки, так как может включать в себя сферы, которые в строгом смысле научным знанием не являются. Обращение к таким понятиям, как «бытие», «любовь», «жизнь», «смерть», «истина», «красота» и т.п., предполагает многозначность, так как такого рода категории не имеют и не могут иметь по определению единственно верного смысла.

Для социальной науки главное — выяснение закономерностей, определяющих устойчивость и изменения в социокультурной жизни, анализ глубинных, часто индивидуально неосознаваемых детерминирующих структур, влияющих на поведение людей, когда мотивация этого поведения для них неочевидна. С этой точки зрения социология, культурная антропология, политология, право, политическая экономика — социальные науки, но не гуманитарные области, а филология, искусствоведение, история — классические образцы гуманитарного знания (хотя в них и используются ныне точные методы исследования). Если данное утвержде-

ние вряд ли кто-нибудь станет оспаривать, то относительно культурологии споры подобного рода довольно часты в профессиональном сообществе. Тому есть, по крайней мере, две причины. Во-первых, в российском обществе идет становление новой области знания, границы которой еще четко не очерчены. Во-вторых, это связано с многозначностью понятия культуры: выбор той или иной базисной позиции диктует соответствующую исследовательскую процедуру. Культурология принадлежит к междисциплинарным наукам и имеет оба этих пласта.

Своеобразие гуманитарного знания, однако, выводится не только из предмета исследования и, может быть, не столько из него, сколько из ведущей познавательной ориентации. Скажем, исследователь имеет дело с некоторым текстом. Для историка данный текст — источник, он представляет интерес постольку, поскольку за ним стоит определенная историческая реальность, событийный факт, который он и интерпретирует. Но верность факту, по закону парадокса, может привести к искажению, если нет ощущения целого или исследователь оказывается неспособен найти адекватный критерий для отбора фактов из огромной массы. Факт может оказаться и «вещью в себе», если не выявлены его связи, если нет представления о культурном поле, которое его породило.

Мы уже упоминали понятие социального факта, введенное Э. Дюркгеймом. Он определяет его следующим образом: «...социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение». «К социальным фактам принадлежат верования, стремления, обычаи группы, взятой коллективно...», «...социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений»¹.

Для гуманитарного типа познания важен текст как основа для рефлексии по поводу социокультурного смысла данного факта, исследователь пытается выяснить не столько то, что история говорит о себе, сколько то, о чем она умалчивает, зашифровывая в своих текстах. Гуманитарию недостаточен эмпирический уровень науки, когда факт воспринимается, как истина в последней инстанции. Настоящая истина не открывается равнодушному уму. Гуманитарное и социальное соотносятся так же, как природа и естествознание. При этом и тексты, с которыми имеет дело социаль-

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 39, 35—34.

ная и гуманитарная науки, — различны. Понятие текста в гуманитарной традиции более широкое: так обозначается любая знаково-символическая система, имеющая социокультурный смысл.

Гуманитарное знание рефлексивно по сути, а следовательно, принципиально диалогично. Разница в предметах науки требует разного логического и исследовательского инструментария и мыслительных процедур анализа. В частности, социальная наука должна строиться на эмпирическом и рациональном методическом фундаменте (что позволяет исключать умозрительные спекуляции, ее дискредитирующие). Кроме того, для современного состояния социальных наук становится выраженной тенденция перехода к их новому качеству, когда они все более приобретают характер прикладных исследований, включая в свой методологический арсенал процедуры не только аналитические, но и разработку моделей, проектов, программ регионального социокультурного развития.

Разумеется, рассматриваемые сферы взаимодействуют между собой и взаимодополняют одна другую, что вполне естественно, как естественно, например, воздействие климата и ландшафта на ментальность этноса или воздействие закона всемирного тяготения, влияющего на разливы Нила, на социальный ритм жизни людей в Древнем Египте. В свое время выделению социологии в самостоятельную дисциплину предшествовало отделение психологии от философии и физиологии. Открытие психической реальности дало толчок к поискам собственно социальной реальности и таким образом сыграло роль научно-методологического прецедента. Конец XX в. ознаменовался появлением междисциплинарных направлений, новых наук на стыке знания разного типа. И хотя, как заметил Э. Трёльч, «противопоставление наук о природе наукам о духе — бессмысленно», все же «...восстановление единства этих разделенных структур — весьма трудная задача»¹.

В связи с этим подчеркнем, что в работах зарубежных исследователей-социологов очевиден культурологический тренд: на рубеже 2000-х гг. в западных университетах возникают центры, начинают выпускаться журналы, в названии которых звучит «Cultural Sociology», «Cultural Social Studies», из чего следует, что именно культура в ее разных

¹ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1996. С. 556.

аспектах осознается как смысловое, содержательное ядро социальной жизни¹.

Особенности становления культурологии как научной дисциплины

Термин «культурология» восходит к работам американского антрополога Л. Уайта. Он выделил культурологию как самостоятельное направление в комплексе общественных наук, вычленившихся из антропологии, предлагая рассматривать культуру (институты, технологии, идеологии) как самостоятельную упорядоченность феноменов, организованных в соответствии с собственными принципами и существующих по своим законам. По его мнению, культурный процесс определяется как самостоятельный и независимый. Люди ведут себя так, а не иначе потому, что они были рождены и воспитаны в определенных культурных традициях. Поведение народа определяется не физическим типом или генетическим кодом, не идеями, желаниями, надеждами и страхами, не процессами социального взаимодействия, а внешней, экстрасоматической культурной традицией.

Однако если поведение народа определяется его культурой, что определяет культуру? Л. Уайт отвечал на этот вопрос так: она сама себя определяет. Культуру можно рассматривать как самостоятельный процесс, в ходе которого свойства культуры взаимодействуют друг с другом, образуя новые комбинации и соединения.

Разумеется, любая социокультурная система подвержена воздействию земной и небесной среды. Климат, топография, флора, фауна и минеральные ресурсы могут воздействовать и действительно воздействуют на культурные системы. Но та или иная среда просто позволяет или исключает существование определенных элементов или свойств культуры, она не определяет их. Л. Уайт полагал, что фактор среды можно расценивать как константу и поэтому не учитывать его при интерпретации культурного процесса.

Возникновение культуры обусловлено существованием человеческого вида, она служит удовлетворению потребностей этого вида, поэтому, исследуя проблему происхождения и функций культуры, следует принимать во внимание биологического человека. Когда же культура уже возник-

¹ См., например: Cultural Sociology // URL: <http://cus.sagepub.com/>; Center for Cultural Sociology (CCS) // URL: <http://ccs.research.yale.edu/>